

Айрис МЕРДОК

Против бесстрастия*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Замечательная английская романистка, признанный «живой классик» представляется русскоязычному читателю в неизвестном доселе амплуа. Жанр предлагаемого текста обозначить нелегко. Что это — критическая статья, философский трактат, публицистическая реплика, политическое кредо? Вероятно, и то, и другое, и ... Важно вовремя приостановить рождение стандартной формулировки типа: «многогранность таланта», «разнообразие проблематики» и т. д. Необходимо с самого начала понять, что у творческого облика Айрис Мердок, по сути дела, только одна универсальная грань: поиск моральных критериев человеческого бытия.

Раскрепощенная, вместе с тем смиренная этика Айрис Мердок нужна нам именно сейчас, в эпоху всеобщей «полемики глухонемых», в смутное время безысходных идейных конфронтации. Мердоковский кодекс чести, основанный на терпимости и позволении, способен научить нас многому. Тому, например, что нельзя через головы оппонентов проповедовать свою Идею. Нельзя не только из уважения к оппонентам, но и из уважения к самой Идее. Мысль не может оставаться благой, если для ее «адресата» отсутствует несомненная свобода ее приятия и отторжения. (И, заметим, именно отторжение способно во многих случаях служить лучшим подтверждением значительности мысли.) Мердок предлагает нам не однозначный, ломающий всякое сопротивление возврат к бесповоротно ушедшим декларируемым «истокам», но осторожные поиски нового понимания традиции (вспомним мандельштамовское: «Вчерашний день еще не родился!»).

На Западе теоретические концепции Мердок не менее известны, чем ее романное творчество. Статья «Против бесстрастия»**, впервые опубликованная в 1961 г. в журнале «Энкаунтер», хрестоматийна в самом прямом смысле, т е включается в хрестоматии, сборники писательских манифестов. В ней Мердок' предстает перед нами как глубокий и проникновенный теоретик собствен-

* Публикация подготовлена совместно с П. С. Гуревичем (Лаборатория истории и теории культуры ИНИОН АН СССР).

**Иной вариант перевода ("Против сухости") кажется нам неточным. Как видно из контекста, слово "dryness" Мердок употребляет в переносном значении, антонимом к нему может служить "чуткость" либо "заинтересованность", "страстность". - *Прим. пер.*

ного творчества. Однако ее идеи не составляют комплекса норм, не являются руководством к написанию романов либо ретроспективным комментарием к ним. Мердок не дает рецептов, а лишь намечает путь возможного идейного и творческого самодвижения художника. Это — путь нравственного усовершенствования, сочувствия к миру и человеку.

Нет надобности здесь специально говорить о философских истоках концепции Мердок, приводить обильные примеры имен и концепций. Все это в достаточной мере осознано самой писательницей, и в этом смысле предлагаемая статья говорит сама за себя.

Дмитрий Бак

Критические соображения, которые я хотела бы высказать, в большей степени касаются прозы, нежели поэзии, романа, нежели драмы. Они будут краткими, упрощенными, конспективными и, по возможности, сдержанными. По замыслу эти заметки не должны содержать сколько-нибудь определенного понимания «писательского долга». Единственный долг писателя — создавать книги наилучшим из доступных ему способов. Мои замечания опираются на факты современных литератур демократических и, в частности, развитых стран — постольку, поскольку эти факты представляют интерес для любого серьезного критика.

Мы живем в сциентистскую, антиметафизическую эпоху, когда религиозные догматы, представления, заповеди в значительной мере утратили свою былую силу. Мы до сих пор не оправились от двух войн и уроков гитлеризма. Мы — прямые наследники Просвещения, романтизма и либеральной традиции. Главные причины наших затруднений состоят, по моему мнению, в следующем: мы слишком далеко отошли от идеи человеческой личности, которая стала весьма хрупкой и бессодержательной. Постараюсь пояснить мою мысль.

Философия (как и пресса) есть одновременно путеводитель и зеркало своей эпохи. Попробуем бросить беглый взгляд на англосаксонскую и францускую философские традиции, чтобы выяснить, какое представление о человеческой личности можно извлечь из этих кладовых знания. На англосаксонскую философию наиболее глубокое влияние оказали Юм и Кант¹. В современной философской концепции личности присутствие идей этих двух великих мыслителей совершенно очевидно. Названная концепция рождается из сочетания материалистического бихевиоризма² с драматическим представлением об индивиде как субъекте уединенной воли. Оба слагаемых существенно подкрепляют друг друга. Из Юма (через Бертрана Рассела, при содействии математической логики) мы вывели идею о том, что реальность в конечном счете есть множество материальных атомов, и, следовательно, любое осмысленное рассуждение должно прямо или косвенно апеллировать к реальности в описанном ее понимании. Наиболее яркое, итоговое выражение такая позиция нашла в «Логико-

¹ В связи с дальнейшими рассуждениями Мердок выделим высказывание Юма о том, что личность есть связка или пучок различных восприятий, следующих друг за другом. (Все примечания и комментарии принадлежат переводчику.)

² Бихевиоризм — направление в психологии XX в., согласно которому психическое бытие личности адекватно и исчерпывающе воплощается в ее реакциях, поступках. Изучать психику, следовательно, означает изучать поведение. Главные представители — Э. Торндайк, Д. Уотсон и др.

философском трактате» Л. Витгенштейна ³. В современной философии особенно в поздних трудах Витгенштейна и в производных от них работах Гилберта Райла ⁴, акценты несколько сместились. Атомистической юмовской картине мира был противопоставлен особый концептуальный анализ (во многих случаях блестящий). Он подчеркивал структурную зависимость понятий от конкретного социального типа языка. Такой анализ оказался продуктивным в «философии сознания», где он приобрел вид модифицированного бихевиоризма. Говоря вкратце: самоощущение для меня (как и для других) определимо в качестве действительного только в социально гарантированных понятиях, которые создаются не иначе, как на основе внешних поведенческих актов. Это лишь одна сторона общей картины личности — юмовская и постюмовская. Между тем из Канта (а также из Гоббса и Бентама через посредство Джона Стюарта Милля ⁵) мы вывели понимание индивидуальности как свободной разумной воли. С учетом переосмысления основ кантовской метафизики индивидуальность стала рассматриваться как уединенная. (Впрочем, в определенном смысле она является уединенной и с кантовской точки зрения, поскольку ее невозможно поставить лицом к лицу с иными реально существующими индивидуальностями.) С привнесением некоторой доли утилитарного оптимизма индивидуальность стала восприниматься прежде всего как нечто поддающееся воспитанию. С учетом данных современной психологии — как нечто доступное самосознанию (методами, не противоречащими науке и практике). Итак, перед нами современный человек, каким он видится в новейших этических трудах, а в значительной мере и в обыденном сознании.

Отчетливое изображение такого человека мы встречаем, например, в книге Стюарта Хэмпшира «Мысль и поступок» ⁶. Этот человек разумен и совершенно свободен в той мере, в какой может варьироваться его

³ Витгенштейн Людвиг (1889—1951) — австрийский (с 1929 г. в Великобритании) математик, логик, лингвист, философ-неопозитивист. Мердок говорит о раннем Витгенштейне, последователе Бертрانا Рассела (1872—1970) и его логического позитивизма. В «Логико-философском трактате» (1921, русский перевод — М., 1958) Витгенштейн пытается свести познание к универсальной логико-гносеологической модели, а философию — к анализу логически совершенного языка, лишенного семантических двусмысленностей и коммуникативных коннотаций, которые присущи языкам естественным. В этот же период (до середины 30-х годов) Рассел разрабатывает номиналистическую доктрину «логического атомизма», согласно которой отдельные высказывания на языке математической логики способны без остатка исчерпывать сущность соответствующих участков реальности. Действительность, таким образом, мыслится столь же дискретной, как и язык, была расчленена на отдельные «атомарные факты». В истолковании личности логический атомизм Рассела и раннего Витгенштейна явился связующим звеном между сенсуалистическим атомизмом Юма и бихевиоризмом. Юмовский «пучок восприятий», прочитанный на языке логики, легко воплощался в цепь поведенческих актов, реакций. «Логический атомизм» Рассела является основой поэтики Вирджинии Вульф и — в меньшей степени — других членов литературного сообщества «Блумсбери», к которому был близок Рассел в 1910—20-е годы.

⁴ Райл Гилберт (1900—1976) — английский философ, представитель так называемой оксфордской школы лингвистического анализа. Воспринял идеи позднего Витгенштейна который в философских исследованиях перешел от логического анализа к лингвистическому т.е. от универсального языка математической логики к естественным языкам функционирующим как конвенциональное средство общения. В анализе человеческой психики Райл последовательно отказывался от понятия «сознание», подменяя его описанием последовательности действий в духе бихевиоризма.

⁵ Гоббс Томас (1588-1679) -английский философ. Этика Гоббса основывалась на понятии «естественного закона», т. е. наличии неизменных природных свойств и потребностей человека. Бентам Иеремия (1748-1832) - английский юрист философ, основоположник этики утилитаризма. Отождествлял полезность и целесообразность поступка с добродетелью и наслаждением. Милль Джон Стюарт (1806-1873) -английский экономист, логик философ В этике развивал утилитаризм Бентама, настаивал на необходимости учитывать не только индивидуальные, но и общественные потребности, понятия как исторически изменчивые и прагматически обусловленные.

⁶ Hampton S. Thought and Action. London, 1959.

самовосприятие с юридической и практической точек зрения. В нравственном отношении он является повелителем всех своих воззрений и полностью ответствен за собственные деяния. Ничто трансцендентное для него не действительно. Его моральный лексикон — прагматический компас, инструмент выбора, индикатор предпочтений. Его внутренняя жизнь целиком воплощена в поступках и убеждениях, которые, по сути дела, тождественны поступкам, ибо убеждение может проявить себя лишь во внешнем выражении. Моральная аргументация нашего человека обращена к эмпирическим фактам и подтверждается принимаемыми решениями. Единственное нравственное понятие, в котором он нуждается,— это понятие «добраго» (правильного). Оно определяет выбор способа действия. Разумность человека состоит в восприятии данных внутреннего и внешнего опыта. Его фундаментальная добродетель — искренность (*sincerity*)⁷. Если мы обратимся теперь к французской философии, в частности к тому ее направлению, которое завоевало наибольшую популярность (я имею в виду работы Жан-Поля Сартра), то увидим, по существу, ту же картину. Интересно, что она весьма родственна кантианской (при несомненной важности для Сартра гегелевских традиций). И здесь индивид уединен и абсолютно свободен. Трансцендентной реальности не существует, нет, следовательно, и различных степеней свободы (*degrees of freedom*)⁸. С одной стороны, налицо некий набор психологических запросов, социальных норм и предрасположенностей, с другой — индивидуальная воля. Конечно, подобные драматические ситуации (вполне гегелевские по характеру) на самом деле разыгрываются в душе человека, однако остается в силе и изолированность индивидуальной воли. Отсюда сартровская экзистенциальная тоска (*angoisse*). Отсюда также специфически антибуржуазный оттенок сартровской философии. Она убеждает интеллектуалов в том, что традиционное понимание личности и добродетели ныне поставлено под сомнение, может быть заподозрено в «дурной вере» (*mauvais foi*)⁹. Главной добродетелью и в этом случае оказывается искренность (*sincerity*). Как бы аргументированно ни критиковали Сартра

⁷ Действительно, с точки зрения неопозитивистской этики, отождествляющей акты внутренней жизни и поступки, утилитарные потребности и долженствование, для человека достаточно предельно «искренне», адекватно относиться к собственным эмоциям, желаниям, чтобы автоматически поступать «правильно» (понятие «добродетель» последовательно элиминируется как «метафизическое»). См. ниже фундаментальную для этики Мердок оппозицию «искренность» — «истина».

⁸ Общепризнано, что понятие «степени свободы» является для этики Мердок основополагающим (ср. заглавие монографии: *V u a i t A S. Degree of Freedom: The Novels of Iris Merdoch. London, 1965*). Данное понятие противостоит обоим обозначенным выше крайностям: неопозитивистскому тотальному отрицанию «метафизических» феноменов «свободы», «блага», т. е. овеществлению человека в поступке, с одной стороны, и экзистенциалистской доктрине абсолютной, изначально данной и неотъемлемой свободы уединенной личности, брошенной в чуждую, вызывающую «тошноту» реальность, — с другой. По Мердок, свобода не гарантирована человеку, но лишь уготовлена ему. Добродетель может быть обоснована не с помощью внеличных языковых концепций и не внутри сознания индивида. Она существует лишь в свете наличия трансцендентной реальности. Человек должен добродетельным, смиренным восхождением ко все более высоким уровням свободы подтвердить свое право на нее. Неоплатонические и христианские источники этической концепции Мердок очевидны. Однако столь же очевидна и глубокая оригинальность этой концепции, адресованной главным образом художнику, романисту нашего столетия.

⁹ «Дурная вера» возникает, по Сартру, из-за неспособности человека распорядиться собственной абсолютной свободой, выбрать себя. При этом не имеющая конкретной материальной причины экзистенциальная тоска (*angoisse*), которую испытывает индивидуальное сознание как «бытие-для-себя» перед лицом реальности — непостижимого «бытия-в-себе», согласно концепции Сартра, малодушно подменяется низменным страхом, всегда имеющим прозаическую внешнюю причину (ср. аналогичное противопоставление «тоски» и «страха» у С. Кьеркегора и Н. Бердяева).

философы (да и нефилософы), я думаю, что всеобщая притягательность его концепции далеко не случайна. Марксистские критики вполне обоснованно заявляют, что она представляет собой квинтэссенцию либеральной концепции личности.

Можно было бы возразить: иные феноменологические теории (оставим марксизм в стороне) пытаются на деле осуществить то, что не удалось Сартру: многие значительные философы предложили другие истолкования человеческой души. Все это так. Тем не менее для меня очевидно, что из всех (немарксистских) теорий личности, возникших в лоне феноменологии, ни одна не способна конкурировать по степени влияния с той, что была описана выше. Разумеется, я не могу об этом судить с исчерпывающей определенностью, к тому же данная проблема не является здесь главным предметом моего внимания. Я лишь настаиваю на том, что в либеральном мире философия в настоящее время не способна предложить нам какую-либо иную, целостную и привлекательную, гипотезу личности. Теперь вернемся снова к английской и англосаксонской философской традиции.

Государство благоденствия появляется на свет в значительной мере как следствие социалистического образа мышления и социалистических устремлений. Оно, кажется, способно привести многие человеческие усилия к реальному результату. Однако тотчас же подкрадывается апатия, сомнение в незыблемых основах жизни. Если сравнить язык первоначального и нынешнего вариантов устава лейбористов, то обнаружится показательное оскудение мысли и словарного запаса. Развитое государство есть вознагражденный «политический эмпиризм». Оно предоставляет нам ограниченный набор безусловно желанных целей, сущность которых можно постигнуть и помимо научной терминологии. Преследуя только эти цели (в ущерб более естественному, концептуальному направлению нашей политики), мы значительно ослабили свои теоретические позиции. До сих пор стержневым постулатом остается для нас выродившийся вариант миллевского уравнения: «счастье равняется свободе и равняется личности». Назревший бунт против этического утилитаризма по многим причинам так и не разразился. В 1905 г. Джон Мэйнард Кейнс и его единомышленники приветствовали философию Дж. Э. Мура¹⁰, ибо Мур восстановил в былых правах опыт. Он перенес акцент с механизма действия на внутреннюю жизнь. Однако муровское понятие «опыта» так и не приобрело должной значительности. Сциентистская эпоха с ее ясными, достижимыми эмпирическими целями предпочла философию более близкую к бихевиоризму.

Что мы при этом утратили? И чего, по всей видимости, так и не приобрели? Мы понесли ощутимый терминологический урон — лишились многих понятий морального и политического лексикона. Для нас больше не актуальна всеобъемлющая, субстанциональная система человеческих и социальных добродетелей. Мы больше не воспринимаем личность в свете ценностей, т. е. реалий трансцендентного порядка. Человек для нас — бесстрашная обнаженная воля, окруженная вполне постижимой эмпирической действительностью. Суровая идея истины заменена облегченным понятием искренности. Мы, безусловно, так и не выработали удовлетворительной либеральной теории личности — теории человека свободного

¹⁰ Кейнс Джон Мэйнард (1883—1946) — английский экономист. Связывал экономические законы со свойствами психики человека. В молодости был близок к литературному объединению «Блумсбери». Мур Джордж Эдуард (1873-1958) - английский философ один из основоположников неореализма, предшественник философии лингвистического анализа. В этике выступал против утилитаризма. «Добро» и «зло», по Муру, не сводимы к каким бы то ни было внешним понятиям («пользе», «наслаждению» и т. д.). постижимы каждым индивидом лишь интуитивно, эмпирически.

и самостоятельного, живущего в сложном и разнообразном мире, человека, который — как существо моральное — многому в этом мире учится. Мы смирились с либеральным истолкованием личности, ибо оно якобы побуждает человека к самоосвобождению. Однако раскрепощение стало возможным лишь ценою утраты этических первооснов.

Нам так и не удалось разрешить проблему человеческой личности в том виде, в каком она была выдвинута Просвещением. Все доступные нам разнообразные концепции явно небезупречны. Современная ситуация парадоксальным образом аналогична положению дел в восемнадцатом веке. Мы сохранили рационалистическую убежденность в благотворных результатах образования, вернее — говоря современным языком — технологии. Этот наш оптимизм сочетается с романтической концепцией «условия человеческого существования» (human condition)¹¹, согласно которой индивид беззащитен и одинок. Такое понимание человека после Гитлера приобрело особенно напряженную актуальность.

Восемнадцатое столетие было временем рационалистических аллегорий и морализирующих историй. Деятнадцатое же прежде всего явилось великой романной эпохой, причем роман достиг своего расцвета при активном взаимопроникновении идеи личности и понятия класса. Общество девятнадцатого столетия было обществом личной активности и частного интереса. Поэтому (используя марксистскую терминологию) индивидум и социальный тип существовали неразрывно, а значит, и разрешение проблем восемнадцатого века было вновь отсрочено — вплоть до наших дней. Ныне социальная структура не располагает к действию, она менее подвижна, нежели в прошлом веке. Экономическое благосостояние настолько прочно отодвинуло прежние мыслительные стимулы, всеислие науки кажется настолько самоочевидным, что мы снова очутились перед лицом проблемы, которая назревала еще со времен Просвещения или, если говорить точнее, с начала современной либеральной эпохи. Причем проблема эта предстала перед нами как никогда ранее темной и запутанной.

Если мы сравним литературу нынешнего и прошлого столетий, то обнаружим некоторые существенные контрасты. Я бы сказала, что мы в определенном смысле вернулись к восемнадцатому веку — к эпохе рационалистических аллегорий и морализирующих историй, к эпохе, когда человеческий характер представлялся единым и неделимым. Роман девятнадцатого века (я говорю здесь с известной долей огрубляющей смелости: были, конечно, и исключения) не имел дела с «условиями человеческого существования» (human condition), речь в нем шла о реальном многообразии индивидов, противостоящих друг другу в обществе¹². Роман нашего столетия обычно бывает либо «кристаллическим» (crystalline), либо «журналистским» (journalistic)¹³. «Кристаллическим» я на-

¹¹ «Условия человеческого существования» (human condition) — емкое терминологическое обозначение, актуальное для всякой культурной системы, в которой уникальное самоощущение личности превалирует над извне заданной межличностной нормой, духовная энергия — над предметностью, воля — над вещью (от романтизма до экзистенциализма).

¹² XVIII век и просветительная философия характеризовались безусловным приоритетом внешней системы отсчета в определении понятия личности, что, естественно, затрудняло понимание уникальности каждого индивида. В период литературного и философского романтизма, наоборот, уникальность творческой самореализации отдельной личности ставила под сомнение возможность единой системы отсчета, внеличной нормы. XIX век — время диалектического единства, плавного взаимоперехода внешнего и внутреннего, понятия и бытия. В этом и заключалась основа (в значительной мере — гегельянская) расцвета художественного реализма, ключ к которому — диалектическое скрещивание в характере личностных волевых устремлений и корректирующих их извне социальных реальностей. Распад данного единства — событие, давшее начало литературе и культуре XX века.

¹³ Оппозиция «журналистского» и «кристаллического» романов для Мердок фундаментальна. Эта дихотомия — посредствующее звено между моральной философией английской

зываю небольшое квазиаллегорическое произведение, изображающее «условия человеческого существования» и не содержащее «характеров» в смысле традиции девятнадцатого века. «Журналистским» — значительное по объему, аморфное, квазидокументальное повествование, разложившийся продукт романов прошлого века, где в бесхитростных историях, расчленившихся бытовыми подробностями, действуют безликие условные персонажи. Ни один из этих двух типов романов не поднимается до постановки обозначенной выше ключевой проблемы.

Нетрудно заметить, что «кристаллические» романы обычно совершеннее «журналистских». Именно к их созданию стремятся наиболее значительные писатели. В этой связи можно вспомнить об идеале «бесстрастия», который ассоциируется в нашей памяти с символистским движением, с писателями типа Т. Э. Хьюма и Т. С. Элиота, а также с Полем Валери и Витгенштейном¹⁴. Это «бесстрастие» (камерность, изысканность, самоценность произведений) есть не что иное, как возмездие за соблазны романтизма. По сути дела, это и есть романтизм в его современной фазе. Рафинированный, развоплощенный, самодостаточный «символ» наделен тем образцовым совершенством, которого требовал от искусства Кант, предшественник как либерализма, так и романтизма. Такой символ может быть уподоблен уединенной самодостаточной индивидуальности. Вот что остается от романтической духовности, когда «материальные» (гуманитарные и революционные) элементы романтизма выработают свой ресурс. Искусшение искусством — соблазн, которому уступают любые произведения, за исключением великих, — это самоутешение (consolation)¹⁵. Современный писатель, ошеломленный технологической реальностью, отказавшийся от философии (в Англии), сталкивающийся с упрощенными драматическими теориями (во Франции), пытается утешить нас мифологизированными историями.

Обобщим: для него истина есть искренность, а воображение (imagination) есть фантазия (fantasy)¹⁶. Фантазия имеет дело либо с аморфными снами наяву («журналистское» повествование), либо с камерными мифа-

писательницы и ее теорией романа. После распада былого реалистического синтеза внешнего и внутреннего оказываются возможными три пути изображения человека и мира. «Журналистский» и «кристаллический» романы — попытки заново выдвинуть на первый план лишь один из двух способов понимания личности (собственно, примат внешней, позитивистски истолкованной вещной реальности либо преобладание экзистенциалистски акцентированного «бытия-для-себя», саморазвертывания, не ведающего внешних препон). Мердок настойчиво ищет третий путь, пытается на новой основе воскресить динамически цельное понимание личности человека, опирающееся на идеи традиционной этики и совмещающее в себе оба варианта понимания сущности человека.

¹⁴ Хьюм Томас Эрнест (1883—1917) — английский философ, поэт, теоретик имажинизма. Элиот Томас Стернс (1888—1965) — английский поэт, эссеист, теоретик литературы. Выдвинул неотрадиционалистскую концепцию «внеличной поэзии» (ср. «Движение художника — это непрерывное самопожертвование, непрерывное погашение в себе индивидуального начала» — Э л и от Т. С. Традиция и индивидуальный талант. «За-оубежная эстетика и теория литературы XIX-XX веков». М., 1987, с. 172). Валери Поль П871—1945) — французский поэт, в теории искусства — наследник идей С. Малларме. Отстаивал необходимость сочетания символистского оперирования чистыми смыслами с установкой на неоклассическую вещественность слова, осознанность творческого процесса понятого как деяние мастера.

¹⁵ Самоутешение (consolation), по Мердок, внеморальное, эгоистическое деяние автора «кристаллических» романов, результат навязывания жизни абстрактно сконструированной, неадекватной художественной формы.

¹⁶ Еще одна важная для Мердок терминологическая дихотомия. Фантазия (fantasy) — облегченный, эгоистически односторонний вариант художественного вымысла, порождаемый субъективным, «самоутешительным» произволом автора. Воображение (imagination) — в противоположность фантазии — не материализация собственных концепций, но адекватное воплощение реальности в образах.

ми, «кристаллическими» безделушками. При этом на свет появляются (в каждом из двух случаев особым образом) варианты сновидческой квазиреальности, навеянные «фантазией». Суть же действительности, доступная лишь «воображению», в обоих случаях ускользает.

Естественным вместилищем символов с точки зрения самой символистской поэтики является стих. Однако даже в стихотворной речи символ нередко играет двусмысленную роль, ибо он предполагает наличие смысла, принципиально сопротивляющегося выражению в словах, из которых как раз и складывается стихотворение. Именно вторжение «символистских идей» в различные сферы культуры обусловило, в частности, упадок художественной прозы. Риторика нынче не в моде, даже «стиль», исключая самый узкий смысл этого понятия, утратил популярность.

Столь непохожие друг на друга мыслители, как Т. С. Элиот и Ж.-П. Сартр, были склонны недооценивать прозу, отказывали ей в какой бы то ни было изобразительной функции. Поэзия есть сотворение лингвистических квазиобъектов, проза пригодна лишь для экспликации, истолкования, она дидактична, документальна, информативна. Проза предельно прозрачна, она есть не что иное, как *faute de mieux*¹⁷ в словесном выражении. Хемингуэй — влиятельнейший современный стилист. Писать же как Лэндор¹⁸ ныне совершенно немисливо.

Большинство современных английских романов, по сути дела, не написаны, не воплощены в слове, ибо они могли бы без ощутимых потерь изменить средство материализации. Англоязычный роман прибегает к услугам иностранца Набокова, ирландца Беккета, чтобы вдохнуть жизнь в язык прозы, восстановить изобразительный материал в его исконных правах.

Толстой, утверждавший, что искусство есть выражение религиозного сознания эпохи, был ближе к истине, чем Кант, который приравнивал это сознание к незаинтересованному и одновременно рассудочному воображению. Связь искусства и нравственной жизни ослабла потому, что мы утратили ощущение оформленности и системности в самом мире морали. Современная романтическая философия — лингвистический и экзистенциалистский бихевиоризм — свела к минимуму наш словарный запас, упростила и истощила наше видение внутренней жизни. Естественным является тот факт, что либерально-демократическое общество не озачинено поиском путей самосовершенствования, что оно отказывается признать добродетель познаваемой, выдвигая на первый план личностный выбор и поступаясь способностью морального предвидения. Развитое государство всячески ослабляет стимулы к постижению устоев либеральной демократии. В политических целях нас побуждают думать о нас самих как о лицах совершенно свободных и ответственных, знающих все, что нам необходимо знать для достижения важнейших жизненных целей. Перед нами один из случаев, описанных Юмом: то, что истинно политически, фактически оказывается ложным. Впрочем, и политически — истинно ли? Нам необходим посткантианский, неромантический либерализм, качественно иной образ свободы.

Стать свободным куда труднее, чем это представлялось Джону Стюарту Миллю. Предложенные нашими философами пути нас удовлетворить не могут. Нам необходимо научиться мыслить в категориях степеней свободы (*degrees of freedom*), провидеть трансцендентную реальность в

¹⁷ То, что признается, принимается за отсутствием лучшего (*франц.*).

¹⁸ Лэндор Уолтер Севедж (1775—1864) — английский поэт, драматург, близкий к романтизму. Автор стилизаций на античные темы.

неметафизическом, нетоталитарном и нерелигиозном смысле слова¹⁹ Простодушная вера в науку вместе с убеждением в том, что мы целиком разумны и совершенно свободны, порождает угрожающее отсутствие интереса к реальному миру, неспособность осознать все сложности его постижения Мы должны от внутренне ориентированной (self-centered) концепции истины возвратиться к концепции, ориентированной вовне (other-centered) Мы вовсе не изолированные свободные субъекты выбора, не полноправные обладатели всех наших воззрений, но окутанные мраком, непонятные для самих себя создания Мы непрестанно и неотвратно подвергаемся соблазну исказить собственными фантазиями сущность реальности, в которую мы погружены Современный облик свободы порождает ощущение сновидческой легкости Мы же настаиваем на том, что необходимо воскресить понимание всей затрудненности, сложности нравственной жизни, непроницаемости личности Необходимы новые понятия, способные описать сущность нашего бытия²⁰ Нужно терминологически обогащать и углублять осознание того фундаментального факта, что представления о морали исторически подвижны, что, следовательно, существует нравственный прогресс (moral progress)²¹ Симона Вейль²² говорит, что мораль есть субстанция внимания к ближнему, но не субстанция воли Нам необходим обновленный лексикон нравственного внимания

Теперь становится понятным, почему роль литературы ныне столь велика она возложила на себя решение проблем, которыми доселе занималась философия Через литературу мы заново открываем жизненную повседневность Словесность способна вооружить нас против самоутешения (consolation) и фантазии (fantasy), помочь избавиться от недугов романтизма Это и есть ее настоящая задача, и если она будет разрешена, проза обретет свою былую славу, возродятся красноречие и риторика²³

¹⁹ Насколько значительную роль в искомом возврате к традиционной этике Мердок отводит литературе, видно из более позднего ее высказывания «Истинное искусство, пусть в виде символической силы, энергии, а не готовой формулы, дает нам волнующий образ подлинной трансцендентной ценности, устойчивого, зримо наблюдаемого добра В безрелигиозную эпоху, помимо молитв и таинств, искусство способно доставлять людям доступное знание о том, что обычно воспринимается разобщенно о наслаждении и добродетели» (См Murdoch I The Fire and the Sun Why Plato Banished Artists Oxford, 1978, p 76)

²⁰ Мердок сама, как видим, предлагает целый набор подобных понятий «crystalline» и «journalistic», «fantasy» и «imagination», «sincerity» и «truth», «consolation» и «magic», «oracity» и «contingency», а также, разумеется, «degrees of freedom» Они образуют специфическое терминологическое «поле», в зоне действия которого на наших глазах складывается ее этически обоснованная теория современного романа

²¹ Представление о подвижности моральных понятий не означает для Мердок изменчивости нравственных устоев В этом то и состоит продуктивное двуединство концепции в новых условиях (в «безрелигиозную эпоху» — см комм 19) описать в новых же понятиях вечные моральные ценности При этом приверженность традиции не вырождается в прямолинейный почвенный догматизм, предполагает учет современного, модернистски эмансипированного самоощущения человека

²² Вейль Симона (1909—1943) — французская писательница, философ-мистик Известность получила ее посмертно изданная книга «Ожидание Бога» (1950), оказавшая весьма значительное влияние на Мердок В комментируемом месте используется специфический термин Вейль «внимание» (attention), т е терпение и смирение перед непостижимой уникальностью Другого

²³ Апелляция Мердок к риторике, красноречию весьма созвучна общегуманитарному оживлению интереса к риторическому строю культуры, которое наблюдается в последние десятилетия Доктрина динамической изменчивости этических категории принимает у Мердок вид хронологически строгой периодизации Риторика, прямая этическая нормативность, господствовавшая в докантовскую и доромантическую эпохи, уступает затем место центростремительной концепции личности, которая ищет критерии оценки собственных поступ

Красноречие я связываю с попыткой высказать правду: в данном контексте имеется в виду творчество Альбера Камю. Все его романы в истинном смысле написаны, воплощены в слове. Однако последний (хоть и менее удачный и значительный, чем первые два ²⁴) представляется мне наиболее серьезной попыткой постигнуть истину. Риторичность этого романа служит лучшим подтверждением нашей мысли.

Интересно, что современная литература, изобилующая описаниями жестокости, содержит столь мало убедительных изображений зла. Наша беспомощность в художественном воплощении зла есть следствие облегченного, ложно драматизированного и (исключая гитлеризм) оптимистического понимания нашей собственной сути. Именно с таким положением дел сталкивается современный писатель. Наши затруднения, касающиеся формы, образности, наше стремление создавать «кристаллические» либо «журналистские» книги — симптом нынешней культурной ситуации. Форма сама по себе может быть соблазном, превращающим произведение искусства в микромиф — самодостаточный и самоудовлетворенный ²⁵. Необходимо переместить наше внимание с утешительной иллюзии необходимости романтизма, с бесстрастного символа, с мнимой целостности индивида на реально непроницаемую человеческую личность: субстанциальную, неповторимую, неопределимую в понятиях, ценностно значимую. Понятый таким образом человек — аксиома либерализма.

Однако, сколько бы мы ни осуждали бессодержательность традиционной либеральной идеи свободы, сколько бы ни говорили о воскрешении утраченного единства, это не приближает нас к марксизму. Реальность не дана нам как целое. Понимание этого факта, внимание к событийной непредсказуемости (contingency) ²⁶ весьма существенны для воображения (imagination), противостоящего фантазии (fantasy). Художественная форма — один из способов утолить нашу жажду самоутешения (consolation). В качестве удобного рубежа отступления, резиньжации она представляет угрозу для чувства реальности, как мы ее понимаем. Утешениям формы, рафинированным «кристаллическим» конструкциям, упрощенным мифологическим фантазиям мы должны противопоставить деструктивную мощь реалистического (naturalistic) характера, столь непопулярного ныне. Настоящий, живой человек разрушителен для мифа, непредсказуе-

ков внутри самоощущения. Такое положение дел — в различных вариантах — остается актуальным вплоть до середины нашего столетия. Неотрадиционная этика Мердок изложена ею не как норма, канон, но как задача, цель. В понятии «степени свободы» первое слово указывает на внеположные человеку, императивно задаваемые уровни причастности к Благу. Второе же слово акцентирует внутренне укорененные характеристики морального деяния. Степени, но степени свободы. Либо наоборот: свобода, но применяемая для самодеятельного восхождения к трансцендентно обоснованным степеням, нормам. ²⁴ Имеются в виду, соответственно, «Посторонний» (1942), «Чума» (1947) и «Падение» (1956).

²⁵ Таким образом, зло в категориальном, обобщенно-метафизическом смысле не сводится в литературном произведении к тематике, т. е. к изображению жестокости, насилия и т. п. В переводе на язык эстетики злом, с точки зрения Мердок, может быть сама форма, сам путь к завершению жизненно разомкнутой ситуации, возможность взглянуть на нее извне, незаинтересованно и, следовательно, внеморально. Отсюда мердоковские понятия «заклинания» (реальности посредством формы), «магии» (т. е. повелевания личностного другого). В романах Мердок, начиная с «Бегства от волшебника» (1956), весьма много «категориального» зла — его элементы толкуются весьма обыденно, лишь как отголоски английских «готических» романов позапрошлого и прошлого столетий.

²⁶ «Непредсказуемость» (contingency) как и встречавшееся ранее понятие «непроницаемости» (opacity, impenetrable) — контекстуальные антонимы «кристалличности». Эти термины призваны свидетельствовать о том, что при отказе автора от эгоистического самоутешения форма действительности перестает быть «прозрачной», проницаемой для авторского завершающего усилия, а значит, способна быть автономной, оказывать реальное сопротивление «бесстрастным» авторским концепциям.

мость деструктивна для фантазии, открывает дорогу воображению. Вспомним великих русских (романистов — *Пер.*), этих мастеров непредсказуемости! Конечно, слишком большая ее доля может привести искусство к «журнализму». Однако, коль скоро реальная жизнь незавершима, искусство также не должно чрезмерно опасаться незавершенности. Литература должна быть полем непрерывной битвы между реальным человеком и художественным образом. Веская и всеобъемлющая авторская концепция человека — вот что сегодня необходимо.

В этике и политике мы лишились целого ряда понятий. Литература, врачая собственные недуги, способна дать нам новый лексикон повседневного опыта, более приемлемое понятие свободы. Вместе с тем, утверждая наше понимание проблемы, мы должны помнить, что искусство живет в сфере индивидуальной воли, а здесь любое человеческое устремление обречено на неудачу. Быть может, только, Шекспир преуспел в создании совершенных образов, которые одновременно были и живыми характерами. Однако даже «Гамлет» рядом с «Лиром» выглядит заурядным. Лишь истинно великое искусство вселяет бодрость, помимо самоутешения. Только такое искусство, согласно У. Х. Одну²⁸, способно противостоять нашим попыткам использовать его магически (*as magic*), для заговаривания реальности в угоду нашим мнениям и нуждам.

²⁷ Эта мысль — яркое свидетельство ненормативности концепции Мердок, которая (концепция) может быть до конца сформулирована только непосредственно на художественной «территории», например, в романе «Черный принц».

²⁸ Оден Уистен Хью (1907—1973) — англо-американский поэт, один из представителей «оксфордской группы», влиятельной в 30—40-е годы (С. Спендер, Л. Макнис и др.).